

Куйорици, Семиполковы, Высшая Дубечня, Сваромье и к исходу 22.10.43 г. сосредоточиться в Сваромье, откуда в дальнейшем действовать по приказу командующего 38 а[рмии].

Штаб 38 а[рмии] (32 км севернее Киева).

Марш совершать маскировочно, преимущественно ночью, в неблагоприятную погоду днем.

2) Командующему 38 а[рмии] принять 1-ю чехословацкую бригаду в состав войск 38 а[рмии]. Зачислить на все виды довольствия и поставить боевую задачу.

3) Зам[естителю] командующего фронта по тылу генерал-лейтенанту Власову в течение 18 и 19.10.43 г. полностью удовлетворить заявку чехословацкой бригады по вопросу материального обеспечения и снабдить двумя заправками горючего.

4) План марша представить к исходу 18.10.43 г.

5) Связь на марше по радио запрещать.

Ватутин<sup>1</sup>,  
Иванов<sup>2</sup>

*Публикуется по архиву.*

<sup>1</sup> Ватутин Н. Ф. (1901—1944) — генерал армии. В годы Великой Отечественной войны занимал должности начальника штаба Северо-Западного, Брянского, Воронежского, Юго-Западного, 1-го Украинского фронтов и командующего войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов.

<sup>2</sup> Иванов С. П. — генерал-лейтенант, начальник штаба Воронежского фронта.

## 296

*Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии З. Бенешу о переговорах с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А. Е. Корнейчуком по вопросу о подготовке к заключению советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве<sup>1</sup>*

Москва

19 октября 1943 г.

1. Я посетил сегодня Корнейчука, чтобы сообщить ему содержание Вашей депеши\*. В частности, я разъяснил ему Вашу позицию в отношении параграфов 3 и 6. Корнейчук ответил, что речь идет о тексте проекта<sup>2</sup>, уже одобренного правительством, а поэтому Ваши предложения должны снова обсуждаться правительством. Корнейчук высказал некоторые сомнения о целесообразности смягчения текста, поскольку договор не направлен против поляков, а наоборот. Корнейчук просил Вашего разъяснения, в каком смысле Вы желаете, чтобы идея консультаций, содержащаяся в параграфе 3, была дана «в общей формулировке». Я лично считаю, что скорее нужно было включить идею о консультациях в статью 4, в которой имеются в виду Германия и ее возможные союзники. Я подчеркнул, что Вы не настаиваете категорически на своих предложениях.

2. Учитывая пункт «г» Вашей депеши, я сообщил Корнейчуку Ваше пожелание, чтобы Советское правительство на конференции поставило перед англичанами этот вопрос «спокойно и по-дружески, но так же решительно, как мы сами». Вопрос касается исключительно нас, но будет хорошо, если Советское правительство снова уточнит американцам и англичанам свою позицию. Считаю, что тем самым я правильно

\* Не публикуется.

передал Ваши мысли; я лишь позволил себе обратить внимание на то, что наши подобные действия, с которыми я, само собой разумеется, согласен, означают для нас все более конкретные обязательства, а именно, без колебаний и без учета результатов переговоров подписать договор как можно скорее после конференции. Прошу принять это во внимание. Впрочем сам я надеюсь, что все удастся наладить.

3. К Вашим выводам, содержащимся в пункте 5 Вашей депеши, я добавил бы следующее: «Не думаю, чтобы действия Советского правительства диктовались только зависимостью от польского вопроса, хотя он и мог иметь определенное влияние на наши переговоры. Скорее я сказал бы, что на Москву оказала влияние определенная неуверенность английской политики, авторы которой постоянно чего-то ждут. Здесь известны различные точки зрения, основанные на том, что Советский Союз выйдет из войны ослабленным, а тем самым будет ослаблено и его политическое влияние, и что вопрос о Европе будет решаться Лондоном и Вашингтоном. Тогда еще ждали немецкого наступления, и многие были удивлены, когда Красная Армия очутилась за Днпром. Подобные тенденции, имевшиеся на Западе, очень раздражали Москву, а потому она и в нашем случае поставила вопрос, чего же еще ждать, если слова о необходимости заключения договора искренни. Обидным было и предложение Идена о том, чтобы Вы текст обсудили, но не подписывали.

В таких серьезных случаях, когда речь идет о принципиальных вопросах советской политики, переговоры всегда велись высшими органами коллективно, что иногда мешает гибкости переговоров, но, с другой стороны, имеет то преимущество, что взятые на себя обязательства строго соблюдаются.

Поэтому я должен совершенно объективно констатировать, что в ходе переговоров Советское правительство не сделало ничего такого, что не было бы в наших интересах. И прежде всего сам договор может быть самым крупным достижением нашей политики за последние годы.

Фирлингер

*AKPR Praha, J. Smutný, XV/65—66.*

*Копия. Перевод с чешского.*

*Опубликовано: Dokumenty z historie československé politiky, díl. 1, dok. č. 326, s. 401—402.*

<sup>1</sup> См. примеч. 1 к док. 324.

<sup>2</sup> См. док. 281.

## 297

*Телеграмма президента Чехословакии Э. Бенеша послу в СССР З. Фирлингеру по вопросу о подготовке к подписанию советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве<sup>1</sup>*

Лондон

19 октября 1943 г.

Сегодня у меня был Орлов, который заявил, что Советское правительство хотело бы опубликовать текст договора. Я уговаривал его, чтобы они не делали ничего такого, что означало бы *fait accompli*\*, и чтобы они сначала всю проблему обсудили с Иденом и вопрос о публикации решили по взаимному соглашению. Когда Орлов прямо поста-

\* Усложнить дело (франц.).